

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ
БЕЗОПАСНОСТИ

Distr.
GENERAL

S/8961*
8 January 1969
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

ПИСЬМО ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИОРДАНИИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ОТ 7 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА НА ИМЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО
СЕКРЕТАРЯ

По поручению своего правительства имею честь обратить внимание Вашего Превосходительства на заявление, подготовленное гражданином Иордании г-ном Ас'ад Абдель Рахманом, Президентом Союза арабских студентов из Палестины в Ливане, в котором описывается обращение с ним и с другими арабскими заключенными в израильских тюрьмах на оккупированных территориях.

Я имею честь просит Вас распространить это письмо вместе с приложением в качестве официальных документов Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности.

Мухаммед Х. ЭЛЬ-ФАРРА
Посол
Постоянный представитель

* Выпущен также под условным обозначением A/7500.

69-00440

/...

Заявление

Ас'ад Абдул Рахмана

(Бакалавра и магистра искусств Американского
университета в Бейруте, Ливан)

Президента Союза арабских студентов из Палестины в Ливане

О его тюремном заключении на территории, оккупированной
Израилем (с 21 декабря 1967 года по 29 сентября 1968 года)
и обращении с арабами в тюрьмах на оккупированных территориях,
в клубе Ассоциации выпускников Американского университета

Бейрут, четверг 21 ноября 1968 года

любое обсуждение вопроса об обращении с жителями оккупированных территорий в Палестине, как правило, проходит под влиянием эмоций, предвзятых мнений и искушения исказить факты в пропагандистских целях. Сознание этого заставляет меня сегодня ограничиться в своих замечаниях двумя комплексами данных: а) тем, что действительно случилось со мной, когда я был арестован израильскими властями и в течение периода моего заключения, и б) информацией, собранной непосредственно мной во время моего заключения, путем наблюдения, разговоров и обмена мнениями о том, что пришлось испытать другим арабским заключенным в израильских тюрьмах. К этой второй категории данных я отнесу лишь информацию, которая, по моему мнению, строго соответствует действительности. Поэтому я изложу в настоящем докладе только факты. Моя цель - информация, а не пропаганда.

1. Что случилось со мной

Утром 21 декабря 1967 г. вскоре после 9 часов я стучал в дверь дома в старом городе арабского Иерусалима, находящегося неподалеку от древнего сирийского монастыря, чтобы встретиться с моим коллегой г-ном Тайсир Куба'а, вице-президентом Генеральной федерации арабских студентов из Палестины. Как только я начал стучать в дверь, передо мной появились двое из специального отдела полиции израильского Иерусалима и направили пистолеты прямо мне в лицо и другому другу, пришедшему вместе со мной, чтобы показать мне этот дом. В ту же секунду нам надели наручники и полицейские стали вынимать из наших карманов все содержимое.

Я начал протестовать и просил разъяснить такое поведение, но один из двух полицейских, арестовавших нас (сержант Розенталь, Джозеф), приказал мне замолчать. После этого один из израильтян ушел минут на 10 и вернулся еще с шестью израильтянами. Один из шести вновь прибывших немедленно ударил меня по лицу и спросил, зачем мы пришли к этому дому и не ожидают ли еще посетители. Я сказал,

/...

что пришел навестить друга, и выразил протест по поводу такого обращения. После этого двое из израильтян остались в доме, а меня и моего товарища в наручниках, прикрепленных к полицейскому, повели к военной автомашине, которая стояла в 200 ярдах от дома около ворот Джаффа. На машине нас отвезли в тюрьму в русской части центрального Иерусалима. Время было около 9 ч. 30 м. утра.

Моего товарища и меня отвели в отдельные комнаты в подвале тюрьмы, где нас немедленно начали допрашивать. В комнате для допросов я предстал перед командиром Шимоном Сапир, который задал мне два вопроса и после этого предложил мне раздеться. Как только я снимал одну часть одежды, он требовал, чтобы я снимал следующую, до тех пор, пока я не заподозрил самое худшее и не отказался продолжать этот стриптиз. Как только я прекратил раздеваться, Сапир и еще четыре человека бросились на меня, осыпая ударами кулаков и ребром ладони, как опытные специалисты по каратэ. Меня били по голове и всем частям тела. Я кричал, протестовал и требовал, чтобы мне сказали причину такого обращения. Это избиение продолжалось без перерыва, я не знаю как долго, до тех пор, пока я не начал чувствовать, что теряю сознание. Я помню, что прежде чем потерять сознание, я пытался показать им глубокий шрам на животе, оставшийся после операции, в надежде остановить их, но они, по-прежнему, продолжали систематически, как мне казалось, бить меня по голове и шее.

Дальше я вспоминаю, как на меня вылили воду, после чего ко мне в какой-то мере вернулось сознание. Когда я пришел в себя, Сапир сказал мне, что моего друга Тайсира Куба'а арестовали. Он показал мне удостоверение моего друга и сказал, что дальнейшее запырательство бессмысленно.

После этого допрос начался вновь. Мне задавали вопрос, но прежде чем я успевал ответить, на меня вновь сыпались удары; затем следовал новый вопрос и еще удары и т.д. Однако на сей раз меня били уже не только кулаками и руками, была использована короткая узловатая

/...

дубинка. Меня били по голове и по всем частям тела. Этот допрос продолжался почти до 2 часов дня, после чего меня отвели в мою камеру.

Моя камера представляла собой темный, сырой, холодный коридор, ведущий к складу для одеял № 4. Я нашел там еще одного заключенного, некоего Али Аль-Авада, из Газы. Ночь я провел в этой камере.

На следующий день меня отвели в камеру № 1 в русской тюрьме, где нас было всего пять человек. В течение всего второго дня меня оставили в покое, вероятно для того, чтобы обострить напряжение. На третий день мы начали ожесточенный спор с нашим тюремщиком Джакобом, поскольку он приказал нам вставать по стойке смирно при каждом его появлении, сказав: "араб должен стоять по стойке смирно каждый раз, когда еврей входит в комнату".

В результате этого спора меня перевели в зловонную подземную камеру, куда не попадал ни один луч света. Камера была разделена на две части железными прутьями по середине. По ту сторону прутьев стоял бак, наполненный испражнениями. В моей камере по эту сторону прутьев не было места для отправления естественных нужд. Мочиться приходилось через прутья в бак, но для других целей приходилось искать обрывки газет, испражняться на них, затем выбрасывать все через прутья в бак.

На следующий день меня вызвали для нового допроса. Я предстал перед неким Толенским, который, как нам дали понять, являлся заместителем начальника разведки, и майором Джозефом (вероятно это были фиктивные имена). Допрашивавшие меня люди выдвинули против меня несколько обвинений, главным образом в том, что я являюсь одним из фedaинов. Они угрожали мне пыткой, если я буду отрицать эти обвинения. Я повторял то, что уже сказал в первый день, а именно, что я был президентом Союза палестинских студентов в Ливане и президентом Конфедерации арабских студентов в Ливане. Я приехал на Западный берег, чтобы посетить свою семью, которая живет в Наблусе, по случаю байрама,

/...

и также попрощаться с ними перед отъездом в Соединенные Штаты, где я намеревался продолжить работу над докторской диссертацией. Я также предполагал воспользоваться своим присутствием на Западном берегу для изучения возможности организации среди студентов пассивного сопротивления ввиду принудительных изменений программы занятий, введенных израильскими властями в арабских школах на оккупированных территориях. Я собирался поработать вместе со своим коллегой Тайсиром Куба'а над составлением доклада на эту тему, который мы намеревались представить Исполнительному комитету студенческой федерации.

На следующий день ко мне в камеру поместили одного бедуина из Газы. Он едва мог стоять. Все его тело было покрыто рваными ранами и залито кровью. У него была почти полностью повреждена мочевая система. Я сделал, что мог, чтобы облегчить его страдания. Он сказал, что он был одним из заключенных в лагере пыток, находящемся под контролем израильской армии, и сообщил ужасные подробности о том, что происходит в этом лагере.

В пятницу 29 декабря 1967 г. пришли двое служащих израильской военной полиции. При их виде мой товарищ бедуин криком предупредил, что они были членами персонала лагеря пыток. Они потребовали меня и еще одного заключенного по имени Халил Бухаис, с которым я до этого не встречался. На нас надели наручники и кандалы. После этого нам завязали глаза и отвели к грузовику. Мы забрались в кузов, где нас цепью привязали к кольцам в полу. Таким образом мы совершили поездку в Сарафанд, в 40 минутах езды от тюрьмы. У нас сильно болели запястья и тряска от езды вызывала тошноту.

Как только мы прибыли на место назначения и сошли с грузовика, группа солдат встретила нас пощечинами и ударами, которые сопровождались оскорбительными замечаниями и непрекращающимся потоком ругани. Наш охранник повел нас через канавы и траншеи, наполненные зловонной водой, в которые мы падали, поскольку у нас были завязаны глаза и мы не видели дороги. Наши неловкие попытки выкарабкаться из траншей

/...

были встречены новыми оскорблениями, смехом, руганью и побоями. Внезапно очень близко от нас стали стрелять и на мгновение я подумал, что это конец. Однако оказалось, что они просто хотели с нами позабавиться.

После этого меня поместили в необыкновенно зловонную камеру. Эта камера была 80 см в длину и 60 см в ширину. Она должна была стать моим домом в последующие дни. Там не было одеяла или какой-нибудь накидки, не было кровати, матраца, воды, чтобы умыться, не было места для отправления естественных нужд, за исключением ведра уже до краев полного испражнениями и мочей. Меня по-прежнему держали в наручниках и кандалах, а глаза были завязаны (за исключением времени кормления). Лечь отдохнуть или заснуть было невозможно. Часто оказывалось, что мои руки сползают в ведро.

Всю ночь место оглашалось звуками пыток и допросов. Они всегда выбирали ночь: уводили ваших соседей из камеры слева или справа, их вопли пронизывали темноту ночи и вы ждали, что в любой момент может наступить ваша очередь.

Мой черед пришел только на четвертый день. Меня вызвал Толенский и еще двое. По дороге в помещение для допросов солдат, который тащил меня, остановился перед деревом и со всех сил ударил меня о ствол, а после этого сбросил меня с лестницы.

Что происходило во время допросов? Новым явлением было то, что любой допрос постепенно превращался в политическое расследование. Избиений не было, но были постоянные угрозы. Я действительно мог слышать крики подвергаемых пытке, и мне постоянно напоминали, что, если я хочу избежать их судьбы, я должен быстро начать говорить. Это не Иерусалим, сказали они.

Допрашивавших, по-видимому, удивили мои четкие политические позиции и анализ сущности Израиля как империалистического, экспансионистского и расистского явления - анализ, в поддержку которого я приводил цитаты из документов и источников, имеющихся в Центральном сионистском архивном бюро и библиотеке Еврейского университета в Иерусалиме.

/...

После этого допроса меня перевели в камеру, которая была по размерам больше той, в которой я пробыл шесть дней.

На следующий день и в каждый из последующих дней мои допросы продолжались. Они начинались в 9 ч. 30 м. утра и продолжались, как минимум, до 11 ч. вечера. Перерывов для принятия пищи не делали. Пищу приносили прямо в комнату для допросов. Офицеры армии и разведки подвергали меня политическим, интеллектуальным и психологическим тестам. Они работали группами от трех до восьми человек в бесконечной эстафете, в среднем за день в допросе принимали участие двадцать различных людей. Мои политические убеждения, конечно, оставались без изменения, и я мог видеть выражение озадаченности у них в глазах. Одним из результатов этого, по-видимому, было то, что армейские офицеры, приходившие, чтобы подвергнуть меня перекрестному допросу и выслушать мои взгляды относительно характера Израиля и сионизма, имели все более высокий ранг. Это, конечно, не значило, что по дороге в комнату для допросов или в камеру меня встречал почетный караул. Удары и нападки, сопровождавшиеся бесконечным потоком самых грязных оскорблений и ругани со стороны моих охранников и солдат, встречавшихся на пути, не прекращались.

/...

На тринадцатый день, впервые после моего прибытия в Сарафанд, меня повели умыться. Кроме того, впервые за восемнадцать дней мне позволили побриться, после чего мне предложили подписать бумагу, свидетельствующую о том, что со мной хорошо обращались. Я подписал ее.

После этого меня привязали за наручники спиной к спине еще с одним человеком и обоих нас бросили в грузовик. Когда мы лежали в кузове грузовика женщина-солдат (я мог судить об этом по ее голосу) опрыскала всю мою голову, лицо и всю мою одежду одеколоном. Грузовик отвез нас в Иерусалим, где я вновь оказался в моей последней камере.

В этой камере я оставался один месяц, в течение которого меня продолжали допрашивать. За это время состояние моего здоровья ухудшилось и помимо прочих неприятностей я стал ощущать последствия недостаточного питания. Чтобы дать вам представление о пище в Иерусалиме, привожу наше дневное меню:

Завтрак: 8 час. утра. 1) Один маленький кубик соленого маргарина на человека.
2) 3/4 столовой ложки джема на всю камеру, независимо от числа заключенных.
3) 1/4 буханки хлеба на человека (буханка приблизительно в 1 фут длиной).
4) Один маленький стаканчик очень слабого тепловатого чая.

Обед: 12 час. дня. 1) 2 столовых ложки тепловатого и клейкого риса и одна холодная сосиска на человека.
2) 1/4 буханки хлеба на человека.
Через день тарелка холодного жидкого овощного супа.

Ужин: 3 час. 30 мин. -
4 час. дня 1) Одно яйцо вкрутую на человека.
2) 1/4 буханки хлеба на человека.
Иногда маленький кубик маргарина.

В третьей декаде января меня вместе с другими товарищами перевели в центральную тюрьму Рамле, где мы находились в течение шести дней, после чего нас перевели в другую секцию тюрьмы, которой командовал офицер по имени Копани.

В этой тюрьме я находился в течение двух месяцев. Мы спали и питались не так уж плохо, т.е. у нас были кровати и туалет, однако в камере размером 10х4 метра размещалось от двадцати до двадцати пяти человек. После постоянных контактов с Красным Крестом мы получили право слушать один раз в день передачи последних известий (трансляция Израильского радио в 7 ч. 30 м. на арабском языке), нам давали читать некоторые книги на арабском языке, самые свежие из которых были изданы в 1945 году. Дважды, пока я находился в тюрьме в Рамле, меня вместе с моим другом Ахмадом Калифом завернутыми в брезент переводили в лагерь пыток (один раз в конце февраля и другой раз в начале марта), находящийся в Сарафанде, где мы встречались с генералом Газит (помощник начальника штаба) и другим, очевидно важным, но таинственным человеком в штатском, которые выслушивали наши мнения об Израиле и сионизме. Газит вел себя надменно на правах победителя, а человек в штатском упоминал книги, которые я читал на арабском языке по вопросу о сионизме.

4 января 1968 года вместе с другими товарищами меня перевели в тюрьму, находящуюся в Рамалла. Нам был оказан вполне достойный прием в виде обвинений и оскорблений. Нас били руками, палками, рукоятками пистолетов и прикладами винтовок. Трех из нас, Тайсира Куба'а, другого товарища и меня поместили вместе в камеру в два метра длиной и в один метр шириной. Нас ежедневно избивали, однако с перерывами в течение четырех дней, и продержали в общей сложности в этой камере в течение восемнадцати дней. Затем нас изолировали от других заключенных и поместили в специальную секцию. Я находился в этой секции в течение трех месяцев, на протяжении которых меня вызывали на допросы. Избиения прекратились, не считая случайных плевков. Я предстал перед военным судом в составе одного судьи и одного офицера.

/...

Мне предъявили обвинение в тайном переходе через границу, членстве в незаконной организации и в подделке удостоверения личности. Мне не позволили воспользоваться услугами группы французских адвокатов, которые прибыли в Рамалла для защиты некоторых из нас. Но нам разрешили взять защитников из территории, оккупированной до 5 июня. У нас было пять адвокатов, трое из которых являлись арабами, и два еврея. Это были знающие честные и смелые люди. Я всем им благодарен. Моя линия поведения заключалась в том, чтобы отрицать компетенцию суда в разбирательстве моего дела. Я основывал свои доводы, исходя из принципов Международного Суда Устава ООН, Женевских конвенций и резолюций Совета Безопасности. Фактически мы представили суду весь палестинский вопрос с моральной, юридической, национальной и гуманной точек зрения. Первый председательствующий судья пришел в бешенство от мотивировки, которую я использовал для своей защиты. В результате он вышел из себя и публично набрасывался с нападками на еврейских адвокатов за то, что они повторяли мои аргументы. Он также постоянно набрасывался на меня. Первого судью заменили другим, более дисциплинированным. За некоторыми исключениями заседание суда было открытым, а процедура внешне носила демократический характер. Было ясно, что адвокаты находились под большим принуждением. В конце концов меня обвинили в обычном тайном переходе через границу по социальным причинам и в подделке удостоверения личности. Меня приговорили к одному году тюремного заключения.

Постепенно обхождение со мной становилось лучше. 18 июля 1968 года меня перевели в общую камеру вместе с другими заключенными, где я оставался до 29 сентября 1968 года, когда меня выслали на Восточный берег.

* * * * *

2. Что происходило с другими:

Позвольте мне вторую часть моего заявления начать с трех замечаний:

1) То, что я собираюсь рассказать, не всегда осуществляется в полном объеме и на том же уровне интенсивности.

/...

2) Это необязательно случается со всеми находящимися под арестом.

3) Методы насилия израильтяне осуществляют по двум направлениям: психологическому и физическому. Эти два направления часто используются вместе для получения комплексного эффекта, так что не всегда возможно провести четкое разграничение между одним и другим. Тем не менее в целях более ясного представления я расскажу о двух методах в отдельности.

А. Психологическое воздействие и война нервов

С момента ареста вас подвергают двум воздействиям одновременно: побуждениями и угрозами. Угрозы осуществляются по-разному. Вам угрожают избиением или пытками, арестом близких вам людей (вашего отца, матери, сестры, брата), разрушением вашего дома, изнасилованием ваших близких женщин-родственниц, заключением в камеру, где находятся израильские воры и убийцы; если арестованным является женщина, то ей угрожают заключением в камеру, в которой содержатся израильские проститутки.

Камеры, в которые вас бросают, и условия, в которых вы при этом находитесь (с завязанными глазами, с наручниками, в кандалах), уже были описаны. Однако и при этом имеют место различные варианты. Камеры часто освещаются мощным светом, который горит день и ночь непрерывно. Иногда они оборудованы громкоговорителями, которые беспрестанно передают звуки и слова, специально рассчитанные на то, чтобы воздействовать на вашу нервную систему (т.е. звуки плача или воплей, обращение матери или сестры и т.д.). Иногда в камеры встраивают вентиляторы, из которых попеременно дует сильная струя холодного или горячего воздуха. Иногда вам в камеру подбрасывают змею. Змея обычно не ядовитая, однако вам неизвестно об этом, поскольку ваши глаза завязаны. Иногда вам в камеру впускают громадных, хорошо обученных собак. Они рвут на вас платье и тело и искусным образом хватают зубами повязку, закрывающую ваши глаза.

Иногда вас подводят к вырытой могиле и говорят вам, что эта могила специально вырыта для вас. Иногда из могилы торчит нога трупа, покрытого грязью, и вам говорят, что это тело того или иного из ваших приятелей. Иногда вас приводят в камеру пыток, с тем чтобы вы видели как пытают ваших друзей или других лиц, над которыми осуществляются пытки. Иногда вам только показывают орудия пыток (т.е. батареи с проводами и зажимами, идущими от них; наручники, свисающие с потолка). Иногда вас умышленно морят голодом. Бывают случаи, когда вас приглашают на "вечеринку". На этих вечеринках избиение осуществляется умеренно, однако основными пытками являются глумление и оскорбление со стороны группы солдат, сопровождаемые стрельбой в непосредственной близости от ваших ног или над вашей головой. Когда же вас переводят из одного места в другое, вам произвольно сообщают, что вас направляют в лагерь пыток. С самого начала вас не считают человеком и вы являетесь только номером. Мой номер был 293. По крайней мере 60 процентов всех арестованных по обвинению в оказании помощи сопротивлению подвергаются различным вариантам такой психологической обработки.

В. Физические пытки

В рамках общей окружающей обстановки, которая, как это видно, приводит сама по себе ко многим различным комбинациям, физические пытки, в прямом смысле этого слова, применяются к вам в одном или нескольких из следующих видов.

Следует помнить, однако, что они применяются лишь к не очень большому числу арестованных. Количественное отношение их меняется. На Западном берегу физическому насилию подвергалось около 15 процентов арестованных. В районе Газы соотношение выше и достигает примерно 25 процентов от общего числа арестованных.

Что же касается фактических методов физической пытки, то мне довелось установить шестнадцать различных методов. Эти методы, я в этом совершенно и сознательно убежден, применяются на практике. Я не

/...

говорю, что все они применяются на одном и том же человеке. Не хочу также сказать, что все они применяются так же часто. Я хочу сказать только, что они действительно применяются на практике. Подобное заключение основано на постоянном наблюдении, которое я проводил на своих товарищах по камере. Оно основано на тщательном анализе показаний, данных мне этими товарищами, на длительном и точном процессе проверки и перепроверки показаний, а также на моей объективной оценке откровенности моих собеседников. Если этого не сделать и если придумывать ужасные истории для вас с целью дешевой пропаганды, то это было бы оскорблением человечества и достоинства сотен моих соотечественников. В связи с этим я хотел бы сказать, что я не называю открыто имен по очевидным причинам. Но у меня сохранены все фамилии жертв и имеются относящиеся к этому подробности. Фамилии этих лиц и подробности я готов предоставить в распоряжение специализированных международных учреждений, если я мог бы получить соответствующие гарантии в отношении того, что жертвы будут вне опасности. Что касается различных методов пыток, то к ним относятся следующие:

1) Заключенного заставляют раздеться догола, после этого его избивают кнутом или палками. Ни одна часть тела не остается нетронутой. Избиение продолжается до тех пор, пока не выступит кровь. После этого открытые раны посыпаются солью и избиение продолжается.

2) К различным частям тела прикладывают зажженные сигареты.

3) Заключенного в голем виде заставляют садиться на листья кактуса, растущего на площадках.

4) На заключенного, у которого обычно завязаны глаза и связаны сзади руки, спускают громадных собак. Собаки обучены таким образом, чтобы они сбивали заключенного с ног. Допрашивающий с кнутом в руке приказывает заключенному встать на ноги как только он падает на пол и т.д.

5) Пальцы рук заключенного помещаются на край открытой двери, после чего дверь захлопывается.

6) С помощью обычных пинцетов выдергиваются ногти.

/...

7) Заключенному впрыскивают жидкость с перцем.

8) Заключенного подвешивают за запястья и колени к потолку.

Ведущий допрос повисает на нем всем своим телом или давит на него в направлении к полу.

9) Через мочку ушей, грудь и половые органы пропускается электрический ток.

10) Заключенному впрыскиваются растворы, которые, как ему говорят, вызывают мгновенное усыпительство. Ему показывают то, что они называют противоядием, и говорят, что он его получит, если вовремя сделает признание.

11) На голову и плечи заключенному одевают большой металлический контейнер и крепко прикрепляют его к туловищу с помощью растяжек, которые крепятся к поясу. Затем по контейнеру бьют палками и прутьями, сначала медленно и обычным образом, а затем увеличивают темп. Чем больше будет разбит контейнер, тем сложнее его будет снять.

12) Определенное химическое вещество (по-видимому, нервный раздражитель) кладется в руку заключенному, которому приказывают зажать его. Вещество производит эффект наподобие электрического шока.

13) Ко рту или заднему проходу подводят водяные шланги, по которым нагнетают воду.

14) Воспроизводится движение гомосексуалиста, который, по-видимому, содержится для этой цели.

15) Одна рука заключенного плотно привязывается к прутьям оконной решетки, а другая к ручке двери. Дверь медленно открывается в другом направлении.

16) В мочеиспускательный канал вставляются спички. Иногда спички вставляются в горячем виде. Иногда в канал вставляются балончики от самопишущих ручек.

Методы физических пыток осуществляются с большим искусством и мастерством, с тем чтобы избежать длительных повреждений. Однако ведущее допрос лицо иногда теряет контроль, и это, безусловно, приводит к нежелательным результатам, таким, как частичный паралич, перфорация желудка, потеря глаза и общее нервное потрясение.

Благодарю вас.